

ва, показанием очевидца, сердце которого «страданиями человеческими уязвлено стало».

Р. НУДЕЛЬМАН

КАК ПОСТРОИТЬ МИР?

А. Азимов. Я, робот. Научно-фантастические рассказы. Перевод с английского А. Иорданского. Предисловие И. А. Ефремова. Москва, «Знание», 1964. 175 стр.

Путь марсиан. Перевод с английского. Предисловие А. Стругацкого и Б. Стругацкого. Москва, «Мир», 1966. 422 стр.

Конец Вечности. Роман. Перевод с английского Ю. Эстрина. Предисловие Э. Араб-Оглы. Москва, «Молодая гвардия», 1966. 300 стр.

Современную фантастику создают по преимуществу ученые; это известно. Но большинство из них использует свою причастность к науке (и особенно навыки научно-логического мышления) в основном как надежную опору для фантастических конструкций. Лишь немногие действуют по-настоящему активно и плодотворно в обеих областях — литературе и науке. Таков, например, Артур Кларк. Таков и Аизек Азимов. Он видный биохимик и талантливый популяризатор науки — но и в литературе он сделал много, и, не зная его книг, нельзя составить достаточно полное представление об американской фантастике.

В творчестве Азимова особенно отчетливо, почти демонстративно проявляется присущий научной фантастике рационализм.

Научная фантастика основывается на убеждении в том, что человеческий разум способен познавать и переделывать мир (хотя далеко не все зарубежные фантасты ве-

рят, что мир можно существенно улучшить). Ее герой чаще всего не только Homo Sapiens, но и Homo Faber — Человек Творящий.

Герои Аизека Азимова выделяются своей энергией даже на этом фоне. Тем более что решают они чаще всего «проклятый вопрос»: как построить мир? Азимова в первую очередь интересуют проблемы управления и координации общества: в фантастике он прежде всего социолог.

Он не предлагает готовых решений. «Мы не пророки, — говорит Азимов о себе и своих коллегам-фантастах, — мы в лучшем случае нечто вроде преподавателей воображения».

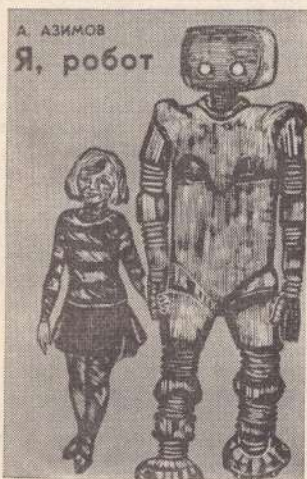
Вот различные варианты «уроков воображения», которые Азимов дает на тему «Как наладить разумную координацию общества, не ущемляя ни в чем существенном интересов индивидуума?».

Один из логически возможных вариантов: люди передоверяют эти проблемы электронным супермозгам. У Азимова есть цикл рассказов о таком супермозге — Мультиваке. В рассказе «Выборы», например, Мультивак сам, на основе гигантского объема информации и тщательного анализа настроений «среднего» избирателя, осуществляет выборы президента. Решения Мультивака, наверно, во многом более обоснованны и объективны, чем сегодняшние выборы в Америке. Но, оказывается, и Мультивак не раз ошибался, даже в таком частном вопросе. В рассказе «Все заботы мира» Мультивак до того устает от сложности человеческих проблем, что замышляет самоубийство. В серии новелл «Последний вопрос» великолепные потомки Мультивака, построенные уже без участия людей и действующие в гиперпространстве, все же не могут уберечь человечество от гибели.

Другие варианты даны в серии «космических» романов и повестей, обрисовывающих эпизоды из истории галактической цивилизации («Стальные пещеры», «Нагое Солнце», «Космические течения», «Установление» и др.). Азимова влекут опять-таки его излюбленные проблемы. По сюжету эти романы относятся к детективно-приключенческим, характеры тут довольно схематичны, но логические конструкции в них сами по себе интересны.

В «Нагом Солнце» обитатели планеты Солария предоставили все дела бесчисленным роботам, а сами живут в предельной изоляции друг от друга и общаются обычно лишь по телевидению. Общество, вначале строившееся на очень четкой рациональной основе, теперь деградирует и распадается из-за просчета в конструкции: чрезмерное развитие роботехники привело к возрастающей изоляции и отчужденности.

Тяжелый кризис переживает и Галактическая империя, образ которой рисует Азимов во многих своих «космических детективах». Гениальный ученый, социокбернетик Селдон методами «психистории»

СРЕДИ КНИГ

273

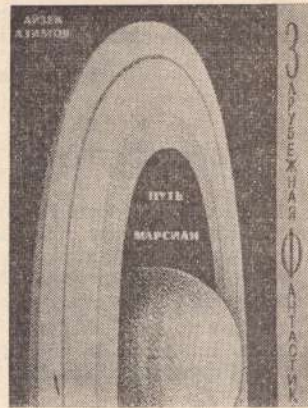
рассчитал надолго вперед возможный ход событий и основал свои институты, чтобы они противостояли анархии, которая возникнет после неизбежного распада Империи. Начинается сложная и длительная борьба организованности против беспорядка, разума — против косности.

Из цикла романов об институтах Селдона («Установление», «Второе установление» и др.) можно было бы, пожалуй, сделать вывод, что Азимов все же дает решение задачи: гениальные и честные ученые, пользуясь гигантским арсеналом познаний и надежными научными методами анализа, смогут управлять миром и строить его на разумных началах. Однако такому выводу противоречит многое в творчестве Азимова. И прежде всего «Конец Вечности» — самый яркий из его романов.

В «Конец Вечности» анализируется именно этот вариант: ученые управляют обществом. Вечность — это строго продуманная организация ученых, которая держит под неусыпным контролем историю человечества (начиная с XXIV века) и владеет возможностью неограниченного вмешательства в нее.

Мимо этих аскетов-отшельников Времени проплывает бесконечный поток столетий: 78-е... 482-е... 575-е... 2456-е... И в каждое из них можно в любой момент войти и незаметно для живущих произвести идеально рассчитанное Минимально Необходимое Вмешательство. Иногда это вмешательство с виду ничтожно — например, нужно переставить некий ящик на другую полку, — но на проекционных экранах Вечности видны его далеко идущие последствия. Иногда — довольно часто! — приходится «убирать» открытие атомной энергии и звездолеты; жалко, да что поделаешь, человечество совсем напрасно с такой настойчивостью тянется к этим опасным игрушкам, не стоит так рисковать! Зато открытие новых антибиотиков надо перенести в более раннюю эпоху. Люди не видят отдаленных следствий сегодняшних событий, а мы, Вечные, все видим и все знаем; нам решать, нам действовать, нам беречь человечество от трагических ошибок и смертельных опасностей.

Наверно, такая возможность, будь она реальной, показалась бы крайне соблазнительной для многих и многих наших современников, терзаемых страхом и неуверенностью. Но Азимов логичен и честен в своих выводах: нет, человечество нельзя опекал, как большого ребенка. Люди позднейших веков, забаррикадившись от вторжений Вечных в своих Скрытых Столетиях, добиваются уничтожения Вечности, чтобы вернуть себе инициативу, свободу выбора, возможность самостоятельно решать свою судьбу. Это опасно? Да, отвечает Азимов. Но вечная опека тоже опасна. «Любая система, которая, подобно Вечности, позволяет кучке людей принимать решения за все человечество, неизбежно приводит к тому, что высшим благом начинают считаться умеренность и безопасность — синонимы посредственности», — устами сво-

ей героини Нойс, женщины из Скрытых Столетий, говорит он.

Может быть, нужны координация и контроль хотя бы в частных вопросах? Да; но что такое частные вопросы в социологии? Азимов с блеском и изяществом строит в своих произведениях одну парадоксальную ситуацию за другой. Скажем, обучение и выбор профессии — это ведь частная проблема? Что ж, попробуем решить ее путем строгой рационализации. Надо устранить по меньшей мере два порока сегодняшней системы обучения: непродуманный отбор и ненадежное закрепление знаний; и нужно, чтобы выбор профессии перестал зависеть от случайностей, потому что в результате страдает и общество, и индивидуум. Правильно? Так вот посмотрим, что получится, если сделать логические выводы из этих посылок.

Получается, к примеру, то, что изображено в рассказе «Профессия». Общество строго регламентировано всеобщей системой образования; самый важный пункт в этой системе — правильный выбор профессии — делается помимо воли человека: кибернетические автоматы, тщательно изучив структуру мозга, точно определяют, для какой профессии наиболее пригоден данный индивидуум. Затем человек проходит быстрый, полностью автоматизированный «курс обучения»: его мозг «заряжают» знаниями при помощи лент, на которых сосредоточены все необходимые для данной профессии сведения. За пределами автоматизированного обучения остается очень небольшой процент юношей и девушек — тех, чей мозг при анализе оказался по структуре пригодным для научного творчества (ни о каком другом творчестве в этой сверхрациональной системе и речи нет). Они-то и разрабатывают программы новых лент и вообще обеспечивают какую-то минимальную возможность прогресса.

Конечно, эта невеселая модель Азимова применима лишь к тому социальному строю, который является фоном и в «Профессии», и в цикле «Я, робот», и во многих других его произведениях. Перенос в будущее имеет чисто условный ха-

ракти, а на деле речь идет о современном американском укладе жизни. Это вовсе не означает, что Азимову такой уклад по душе, наоборот, он, подобно большинству лучших американских фантастов, использует фантастику для критики общества. Но, критикуя современную американскую действительность, Азимов остается под ее мощным воздействием и решений, выходящих за пределы данной социальной системы, он попросту не принимает в расчет.

Я так много говорю об Азимове-социологе, что читатель, не знакомый с его творчеством, вправе усомниться — да полно, искусство ли это? Может, Азимов создает лишь беллетризованные социологические этюды? К тому же сам Азимов склонен поддакнуть в этом случае скептику: да, говорит он, меня интересуют именно логические конструкции и их обоснование, а эмоции героев для меня на втором плане. Однако эти его заявления не следует принимать слишком всерьез.

Конечно, к современной фантастике не следует подходить с критериями, пригодными для реалистической прозы, и непременно искать здесь масштабные характеры и детальный психологический анализ: это возможно и необходимо для фантаста далеко не во всех случаях, и уж вернее было бы судить фантастику по законам философской прозы. А к творчеству Азимова такие «реалистические» критерии и вовсе неприменимы из-за его подчеркнутой, демонстративной логизированности. Его творчество по самому духу апеллирует прежде всего к разуму читателя.

Итак, блестящий аналитик Айзек Азимов фактически отказывается делать конструктивные выводы из своих социологических экспериментов. Ответа на вопрос «Что делать?» в его вещах нет. Есть лишь поиски, раздумья да убедительно вычерченные траектории некоторых возможных путей развития, тающих в себе и блистательные возможности, и грозные опасности.

Но как справедливо сказал Фридрих Дюрренматт: «То, что касается всех, могут решать лишь все». Решать проблемы справедливого устройства мира будет все человечество. Книги Айзека Азимова ставят эти проблемы перед людьми. И помогают понять их реальную сложность.

АРИАДНА ГРОВОВА

ФАНТАСТИКА И САТИРА

Pierre Boule. La planète des singes. Paris, Julliard, 1963.

Среди писателей, обращающихся к научно-фантастическому жанру, есть немало таких, которые рассматривают фантастику как прием, как испытанное и мощное оружие для критики окружающего их общества. Последнее направление особенно сильно во Франции, сильно своей тра-

дицией. Достаточно вспомнить имена Рабле, Вольтера, Сирано де Бержерака, Лесажа, Жюль Верна, Рони-старшего, Анатоля Франса, чтобы понять, почему многие современные французские писатели уверенно обращаются к фантастике, не боясь скатиться до уровня так называемого «научно-фантастического» чтения. Не убоились этого Марсель Эме, Веркор и даже академичный Моруа. Не убоился и Пьер Буль. Фантастический роман Буля «Планета обезьян» — яркое тому доказательство.

Имя Пьера Буля мало знакомо русскому читателю — его почти не переводили. Мне известно оно давно, лет пятнадцать, и я считаю Буля одним из интереснейших писателей сегодняшней Франции. И одновременно — одним из самых сложных и противоречивых. Каждый его роман — «Мост через реку Квай», «Лицо», «Палац», «Ремесло господ бога» — неизменно вызывал большой интерес. Мастер прозы, тонкий стилист, проникновенный психолог. И вдруг — обращение к фантастике! Впрочем, так ли уж вдруг?

Надо оговориться: это не первый опыт Пьера Буля в фантастике. Лет за десять до «Планеты обезьян» он выпустил сборник «абсурдных», как он их назвал, рассказов и небольшую повесть «E=mc²». Но это были только подступы.

Раскроем, однако, книгу.

Далекое будущее. Чета молодоженов, Филип и Джини, отправляется в свадебное путешествие на маленькой космической яхте. Что может быть интимнее уединения в просторах вселенной! Но вот молодожены вылавливают из космоса странный предмет: это большая бутылка, а в ней — рукопись. Завязка тривиальная, не правда ли? С удивлением читают они повесть о том, что произошло много лет назад.

Звездолет приземлился на неведомой планете. Трое космонавтов вышли на разведку и вскоре натолкнулись на... людей. Но каких! При всем физическом совершенстве и красоте это были животные — голые, без языка, без орудий труда, без каких бы то ни было зачатков цивилизации. Стая людей-животных набрасывается на космонавтов, приводит в негодность звездолет. И тут слышатся выстрелы. К своему ужасу, космонавты видят, как из леса выходят гориллы. В сумятице бегства один из космонавтов погибает, а Улисс Меру, автор рукописи, и его друг профессор Антель попадают к обезьянам в плен.

Оказывается, на этой планете все наоборот: обезьяны — цивилизованные, высоко развитые существа, а люди — местные обезьяны. Их истребляют, как вредных зверей, или используют для опытов в медицинских учреждениях. В один из таких экспериментальных институтов и попадает герой в качестве подопытного животного. Его разумное, человеческое поведение воспринимается как отклонение от нормы. И чтобы не по-

СРЕДИ КНИГ